

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕОБУЧА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной статье изучается опыт работы по организации всеобщего обязательного обучения в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны. Автор на основе опубликованных и архивных источников выделяет основные проблемы реализации и пути решения этой программы в республике.

Ключевые слова: всеобуч; война; Бурятия; школа; дети; интернаты.

Banzaraksyeva Elena Vasilyevna
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

FROM THE EXPERIENCE OF UNIVERSAL EDUCATION'S ORGANIZATION IN BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR YEARS

The paper deals with the experience of organizing of universal compulsory education in Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War. The author on the base of published and archival sources identifies the main problems of implementation and ways of solving this program in the republic.

Keywords: universal; war; Buryatia; school; children; boarding schools.

Проблема всеобщего обязательного обучения (всеобуч) всегда рассматривалась как важнейшая государственная задача политического, хозяйственного и оборонного значения. Поэтому правительство считало борьбу за всеобуч боевой политической задачей военного времени. Но выполнение этой задачи было под угрозой срыва. В статье мы попытаемся выяснить проблемы ее реализации в нашей республике.

В первый год войны в Бурят-Монгольской АССР произошло сокращение школ. Так пытались повысить наполняемость классов ввиду дефицита педагогических кадров. К началу 1941–1942 учебного года в республике предусматривалась сеть всех типов школ в 518 единиц. Но в связи с сокращением бюджетных ассигнований на просвещение на указанный период в республике имелось всего 496 школ [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 134]. Однако сокращение не дало ожидаемых результатов. Средняя наполняемость классов после сокращения составила всего 34,8 %, превысив предыдущие показатели всего на 2 % [ГАРБ, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 133].

Напротив, сельские дети, а именно сельские школы были закрыты, оказались лишены возможности учиться в других школах, которые располагались за несколько километров от дома. Феодосия Гавриловна Швецова (Хайдукова), 1929 г.р. вспоминала: «Когда школу в селе Енхор (Джидинского района – Е. Б.) закрыли, нам предложили ехать учиться в районный центр с. Петропавловка. Жилье не давали, хлеба тоже не было, принадлежностей не было, поэтому мой отец, он был инвалидом, учиться меня не пустил» [Архив автора. Воспоминания Ф. Г. Швецовой]. И таких детей войны, получивших «неполное начальное образование», по всей республике достаточно много. Неоднократно, интервьюируя «детей войны», мы отмечали, что многие из них пишут с ошибками, а если встречались выпускники семилетней школы, то, по их собственному выражению, такие «считались образованными и очень грамотными» [Архив автора. Воспоминания М. Б. Бадмаевой].

В 1941–1942 учебном году школьники принимали активное участие в сельскохозяйственных работах. Председатели колхозов, мотивируя сложностями военного времени, убеждали их бросить школу и продолжать работать в колхозе. Поэтому неохваченными обучением оказались 12699 человек, причем большин-

ство в аймаках республики – 9413 чел. [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 133]. Конечно, такой значительный отсев учащихся вызвал озабоченность центральных и местных органов власти, но в то же время все понимали, что и работать необходимо. Во время многочисленных совещаний и заседаний бюро партийных комитетов регулярно обсуждались причины отсева, и предлагались, как правило, директивные меры по возвращению учащихся в школы.

Из множества причин отсева учащихся наиболее распространенными являлись следующие. Во-первых, изменились семейно-бытовые условия и финансовое положение многих семей с началом войны. Когда трудоспособные мужчины были призваны в ряды Красной Армии, нужно было зарабатывать, поэтому подростки шли на производство и в сельское хозяйство, становясь основными кормильцами своих семей. Председатели колхозов отказывались авансировать колхозников, чтобы те могли собрать и отправить детей в школу, иногда даже выдавали школьникам справки об отсутствии хлеба и невозможности учиться. Так, например, поступил председатель колхоза им. XVII партсъезда Нюкского сельсовета Кабанского района Трифионов [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 48].

Во-вторых, районные торговые организации не только не развернули дополнительную сеть школьных буфетов и столовых, а напротив, допустили их сокращение. На 15 ноября 1941 г. организована выдача горячих завтраков только в 104 из 491 школ республики [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 130]. Оставшаяся сеть школьных буфетов снабжалась весьма плохо, в некоторых предлагался всего лишь кипяток.

В-третьих, отмечалась «слабая политическая работа» о значимости всеобуча в военное время среди населения и руководителей сельсоветов и колхозов. Председатель Селенгинского исполкома Шагдыров отказался содействовать исполнению закона о всеобуче и даже желал ходатайствовать перед СНК БМАССР о разрешении отозвать учащихся школ района на полевые работы [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 48]. В условиях военного времени руководители колхозов оказались в сложной ситуации, с одной стороны, нужно было выполнять план сельскохозяйственных поставок государству, а с другой ввиду нехватки рабочих рук в колхозе приходилось опираться на детей школьного возраста. Вот и выбирали, как правило, первое.

В-четвертых, не был организован подвоз детей в школы. В г. Улан-Удэ, в Центральном районе подвозили лишь 53 ученика, а нуждающихся было 123 чел. Поэтому многие дети в зимнее время, добираясь до школ, получали обморожение. В сельской местности учащимся приходилось преодолевать путь в несколько километров, поэтому многие бросали школу уже спустя несколько недель после начала занятий.

Состояние интернатов и общежитий для учащихся не отвечало санитарным нормам, отсутствовал какой-либо инвентарь, зачастую в колхозных общежитиях из мебели были только нары. Постельные белье не менялось, не говоря, уже о его дезинфекции, следствием чего становится распространение педикулеза [ГАРБ. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 21. Л. 17]. В республике, дети скотоводов жили в интернатах, а их количество абсолютно не удовлетворяло потребности. Например, в Бичурском и Еравнинском районах только при пяти школах были интернаты.

Для возврата учащихся в школы работники аппарата Наркомпроса и уполномоченные обкома ВКП(б) в феврале – марте 1942 г. выехали в районы для выяснения на местах причин отсева и принятия, необходимых мер по их возвращению. В архивных материалах отмечается, что особое внимание уделялось разъяснительной работе среди родителей и руководителей колхозов о значении осуществления закона об обязательном всеобщем обучении. Учительница Истокской школы Кабанского района Т. Н. Козина добилась возвращения всех учащихся своего класса на учебу посредством бесед с родителями [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51]. Зачастую беседы не помогали, так как дети не имели одежды и обуви, чтобы просто дойти до школы. Поэтому особо нуждающимся оказывалась материальная помощь, в частности, в Бичурском и Заиграевском районах по 500 учащихся были обеспечены одеждой и обувью [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 49].

Из местного бюджета были выделены средства на восстановление интернатов, по неполным данным 13 районов республики, во втором полугодии 1941–1942 учебного года действовало 25 интернатов на 652 чел. [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 50].

Несмотря на неоднократные указания и постановления СНК БМАССР, подвоз детей в школы, особенно в весеннее время, не был организован. Многие колхозы просто отказывались возить детей в школы, ссылаясь на занятость всех транспортных средств на производстве, как в Бичурском, Заиграевском, Тарбагатайском и других районах. Но бывали и исключения: в Центральном районе 4 школы подвозили 58 учащихся, в Иволгин-

ском – 6 школ организовали подвоз для 192 учащихся, в Еравнинском районе подвозили 180 учеников в 4 школы [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51].

Именно в годы войны создавались пришкольные участки, так школы должны были за счет полученного урожая самостоятельно обеспечивать школьников питанием. В 1941 г. только Баргузинская, Тункинская и Торейская неполные средние школы сумели так наладить свою работу [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51]. В большинстве школ ситуация с питанием была сложной. По народно-хозяйственному плану предусматривалась выдача горячих завтраков в 183 школах республики. Но на 10 октября 1941 г. горячие завтраки выдавались только в 92 школах [ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3837. Л. 84]. В школах Джидинского, Мухоршибирского, Кабанского и Тарбагатайского районов на завтрак выдавались только хлеб и горячая вода. В то же время в городских школах № 4, 3, 8 дети получали на завтрак каши, котлеты, пюре и молоко [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 94]. Как видим, существовала большая разница в меню сельской и городской школы. О причинах столь существенного отличия мы можем только догадываться.

Ну и, безусловно, в работе по возвращению учащихся в школы не обошлось без мер административного воздействия, главным образом штрафов, на родителей-нарушителей закона о всеобщем. Еще в 1938 г. вышло постановление СНК БМАССР «Об административной ответственности лиц, виновных в нарушении закона о всеобщем начальном образовании». В нем говорилось о том, что за отказ родителей и лиц, их заменяющих, от отправки детей в школу, подлежат административной ответственности – предупреждению, штрафу до 100 руб. и даже исправительно-трудовым работам на срок до 1 месяца [ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 232. Л. 126]. Однако меры административного воздействия использовались не во всех районах, можно предположить, что органы входили в положение родителей. Но бывали и исключения: заведующая начальной школы в Старой Бряни, использовав все виды воздействия на родителей, передала дело в сельский суд. Только после того, как состоялся суд над родителями, чьи дети не посещали школу, и они были оштрафованы, все учащиеся школы были возвращены на учебу [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 53].

Таким образом, изучив опыт работы по реализации всеобщего в Бурят-Монгольской АССР, мы приходим к выводу, что эта задача так до конца и не была решена. Ведь в годы войны дети школьного возраста заменили на производстве и на поле своих отцов и старших братьев, ушедших на фронт.